



Жан Висар

ЧЕБУРЕК ПИКАНТНЫЙ

Забавные истории

Жан Висар

Чебурек пикантный.

Забавные истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39412026
ISBN 9785449374189

Аннотация

Книжка эта представляет собой сборник рассказов, состоящий из забавных случаев и смешных историй, собранных в одном месте так же, как и калейдоскоп сюжетов, представленных в картине Брейгеля на этой обложке. Внутри обложки тоже беспорядочное сборище никак не связанных между собой историй из моей жизни и жизни моих друзей и знакомых – историй смешных и не очень. Тут уж ничего не поделаешь – просто в такой забавной трагикомической местности мы все здесь живем... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

На каждого Ридермана довольно простоты	6
Маленький гигант большого достоинства	9
Дама с собачкой	17
Большой воротила маленького бизнеса	22
Настоящий профи	31
Клад	44
Третий пук королевы	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Чебурек пикантный Забавные истории

Жан Висар

© Жан Висар, 2019

ISBN 978-5-4493-7418-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Автор приносит искренние извинения за допущенные ошибки, описки и даже за досадные очепятки.

Все главные, а равно и второстепенные участники описанных ниже событий, включая даже и представителей животного царства, не имеют ничего общего с похожими на них реальными лицами (мордами) даже при идеальном совпадении всех их паспортных данных, потому что все они, так же как и выше поименные грамматические ошибки, коварно вкрались в этот текст совершенно случайно и независимо от воли автора.

Тем же лицам (мордам), которые, наоборот, хотят именно себя считать истинными героями этих произведе-

ний, таковое (конечно, только после тщательной проверки их паспортных данных) автором нисколько не препятствуется, а в некоторых случаях даже и приветствуется.

За сим, прошу вас к тексту, господа!

Искренне ваш, ЖАН ВИСАР

Вместо предисловия.

У Брейгеля, который мне очень нравится, есть одна интересная картина. Вернее, у него все картины интересные. Эта же называется «Мир вверх тормашками». Какая-то каша из людей и предметов. Около ста отдельных, не связанных друг с другом сцен и сюжетов. На первый взгляд, головоломка какая-то. Можно рассматривать часами. А оказывается, что он в ней просто зашифровал все нидерландские пословицы и поговорки. Да вы сами можете все это увидеть на обложке этой книги.

Я все это к чему. Ниже представленный сборник рассказов такая же каша. Как, собственно, и вся наша жизнь. Только в ней ничего не зашифровано. Просто собрано в кучу несколько десятков никак не связанных историй из моей жизни – смешных и не очень. Что поделать – в такой уж забавной местности мы все тут живем...

На каждого Ридермана довольно простоты

(Ненаучная фантастика)

Однажды весной Новый Русский средней руки и мой хороший знакомый, Саша Ридерман, следовал на своей новенькой сияющей и серебристой Тайоте к себе в офис. Утро поднималось превосходное – сухое, солнечное и теплое. Настроение у Александра тоже было соответствующее. Такое пронзительное было у него настроение, что в принципе некурящему Ридерману даже захотелось закурить. И он свернул в небольшой переулок, чтобы в первом же магазинчике купить пачку каких-нибудь легких американских сигарет.

Справа на углу как раз и оказался такой магазинчик, но припарковаться там было невозможно, и он, слегка притормозив, повернул налево во двор, благо ни одной встречной машины в этом тихом переулке не было.

Надо сказать, что Саша был очень дисциплинированным водителем и никогда не нарушал правил дорожного движения, а тут вот взял и нарушил. Дело в том, что вдоль всего этого переулочка для чего-то провели двойную сплошную разделительную линию, пересекать которую, как вы знаете, запрещено категорически. А он вот взял и пересек...

И надо же было так случиться, что именно в это замечательное утро, именно в эту секунду, сияя лаком, мигая всеми своими разноцветными фонариками и шурша широкими скатами, в тот же переулочек, но с другой его стороны, въехал крутой гаишный «Мерседес». Въехал, мгновенно срисовал Ридермана и тут же остановился, перекрыв ему путь к отступлению.

И восхитительное весеннее утро сразу померкло, а настроение у Ридермана испортилось. Он вылез из машины и слегка сгорбившись засеменил к тоже вышедшему из-за руля гаишнику:

– Может быть простите меня на этот раз, товарищ инспектор? – с места в карьер начал он, протягивая ему документы – вы же видите – встать-то здесь негде. А мне буквально на секунду – хотел лишь пачку сигарет купить.

– Рад бы Вас простить, товарищ водитель, да не могу – служба, – тоже вежливо ответил тот, с завистью глядя на сияющие ботинки Нового Русского.

– Не могу, потому что, как бы то ни было, – продолжал он, – но Вы совершили очень серьезное правонарушение, которое, в соответствии с пунктом 2.5. «Правил дорожного...

– Хорошо, хорошо – покладисто перебил его нарушитель, – сколько с меня?

– 500, – коротко и очень конкретно ответил тот.

Сказал, – как отрезал, обозначив тем самым, что дискутировать с ним по поводу этой суммы совершенно бесполезно.

– Пятьсот??? – в свою очередь изумился Ридерман, хотя всегда прекрасно знал что, где и почему, – да у меня, товарищ инспектор, с собой даже и таких денег нет. Разве только – сто рублей? Вот...

Он вытащил единственную купюру из, специально подготовленного для таких случаев, абсолютно пустого, тощего и потрепанного бумажника.

Издевательски вложенный туда потертый столярник выглядел не лучше.

– Ну-у, – промычал гаишник, с отвращением глядя на замызганную бумажку, – сто рублей за выезд на полосу встречного движения, – это несерьезно...

Он брезгливо заглянул в девственную пустоту Сашиного бумажника, в надежде на то, что там обнаружится еще что-то – посерьезнее, но там больше ничего не было. Тогда в раздражении он снова сел в свою фантастическую машину, зло хлопнул дверцей и страшно взвизгнув своими широкими скатами... уехал.

А опозоренный Саша Ридерман – Новый Русский среднего достатка, усердный работник и прекрасный семьянин, так и остался в растерянности стоять со своим мятым столярником в протянутой руке...

Маленький гигант большого достоинства

Человеку по фамилии Заремба в жизни не повезло. Причем, прямо с детства. Почему-то он получился хоть и симпатичным, можно даже сказать, – красивым мальчиком, но уж очень маленьким. Толи гены подвели, толи витамины, а может экология так повлияла? Черт его знает! Такая уж судьба у него получилась. Про таких маленьких обычно говорят – «метр с кепкой». А в довершение всего, бедняга еще и очень этого своего роста стеснялся. Он вообще был стеснительный.

Таким стеснительным и рос, вернее вырос, потому что рост его с годами почти не менялся. Когда я с ним познакомился, он был уже студентом, и чтобы хоть как-то компенсировать свой гадкий рост, стал он заниматься культуризмом. Сейчас тоже самое не менее красиво и тоже не по-русски называется бодибилдингом.

Накачанный этим бодибилдингом будто насосом Заремба теперь всегда открывал дверь своей квартиры одетый лишь в красивый и обязательно широко распахнутый байковый халат. Надеялся на то, что если вдруг за дверью окажется какая-нибудь красивая девушка, то она сначала обратит внимание не на его мизерный рост, а на внушительные выпуклости его ладного и атлетически сложенного торса. Но кра-

сивые девушки в его дверь почему-то не звонили, а измученный сквозняками Заремба лишь чаще обычного стал болеть простудными заболеваниями. Это отрицательно сказалось и на его спортивной форме, – приходилось пропускать тренировки. А любые простои в искусстве бодибилдинга не приветствуются категорически – накачанные мышцы без обязательных каждодневных упражнений сдуваются мгновенно.

Кстати, не только дельтовидные мышцы спины, бицепсы, трицепсы и разные там квадрицепсы, были у Зарембы крепки как сталь – другое – главное достоинство его организма тоже оказалась выдающимся. Причем не только в переносном, но даже и в прямом смысле этого слова...

Рассказывают, что как-то, ребята в общежитии, где одно время проживал и он, затеяли спор – чье достоинство тверже. Гормоны то тогда были у мужиков о-го-го какие, причем без всяких там заморских снадобий и разных постыдных приспособлений, – всё исправно работало само собой – не то, что сейчас.

Так вот, этот животрепещущий вопрос так захватил всё мужское население общаги, что соревнования шли не прерываясь несколько дней, вернее ночей, подряд. Днем же, вместо лекций, претенденты отсыпались. Это незамедлительно сказалось на учебном процессе, и даже привело к отчислению самых ретивых борцов. Родители последних переживали страшно, так как все эти физиологические игры, проис-

ходили в Первом Меде, попасть в который было тогда так же непросто и дорого, как и сейчас.

Так вот, наш маленький Заремба эти соревнования с легкостью выиграл. Занял первое место. Смелый эксперимент будущих эскулапов и ученых-физиологов с очевидностью показал, что к росту индивидуума, как такового, эта часть мужского организма никакого отношения не имеет. Она развивается независимо от своего носителя и по молодости живет как бы сама по себе, часто функционируя когда и как ей вздумается.

Что же касается объективности судейства в этом непростом с технической точки зрения единоборстве, то тут все было железно, потому что активное участие в этом принимали такие признанные классики марксизма, как сам К. Маркс и его молодой дружок Ф. Энгельс. Спорить тогда с ними, а тем более сомневаться в их правоте не допускалось категорически — отчисляли мгновенно...

Тут надо отметить, что в те времена шоколадно-коричневые отсвечивающие золотом собрания их сочинений, длинными рядами стояли везде: в любом кабинете, библиотеке, книжном шкафу и даже на кухонной полке. Как только где-нибудь оказывалась свободная плоскость длинною в два метра, на ней мгновенно самовозрождались бесконечные труды этих нетленных, и так любимых в народе, классиков.

Так вот, Заремба мог удерживать аж целых пять таких томов, домиком одетых на испытуемое место, в то время

как результат тестирования обыкновенных, среднестатистических студентов дневного отделения был смехотворно ниже – всего лишь два, максимум три тома, что кстати, по нынешним феминизированным временам тоже не так уж плохо...

Ну, вот! – по глазам вижу – не верите. Я так и думал...

Жаль, что сейчас эти сочинения не в моде и найти их хоть где-нибудь, для того чтобы доказать правоту моих слов, весьма затруднительно. Но клянусь вам, я сам это видел, собственными глазами – пять томов!!! Полное собрание сочинений «К. Маркса и Ф. Энгельса». Один на другом. Домиком. Высота стопки доходила даже до красиво напряженных квадратиков брюшного пресса самого Зарембы, едва не достигая его волосатой груди. А он как Атлант – стоял и держал...

Все вокруг просто замирали от немого восторга и зависти. Ведь произведения этих столпов марксизма легкими не назовешь. Вспомните. Один этот неподъемный «Капитал» чего стоит! Да вы что! Полкило – не меньше!

Попробуйте сами, и вы убедитесь, – два тома – максимум, и не томом больше. Только прошу вас, господа, не надо расстраиваться по этому, в общем-то, пустяковому поводу – два тома это тоже совсем неплохой результат, уверяю вас...

Кстати, вся эта политическая вакханалия происходила уже в самом конце 60-х, но даже и тогда, если бы хоть кто-то стукнул куда надо о том, что богоравных классиков марк-

сизма крутят по ночам на причинном месте, причем в прямом смысле этого слова... Да, все бы во главе с победителем тут же оказались бы или за решеткой, или в дурдоме. Но, как говорится, Бог миловал...

И вот однажды этот Заремба, этот мистер Мускул, напросился с нами на встречу очередного Нового года, где должна была присутствовать целая куча каких-то девиц, отношения с которыми у Зарембы пока никак не складывались. Бедняга в силу своего роста был еще девственником, и все время мечтал перейти от этой тяжелой многотомной марксистской теории к более легкой, как ему тогда казалось, и безумно желанной им жизненной практике...

Даже и не помню, у кого мы тогда собирались, потому что народу было много: действительно, какие-то малознакомые крепкие девицы с развитыми формами, Валера Кац, мы с Гариком, этот Заремба, еще кто-то...

Запомнилось, что там было очень много вкусной еды. Когда мы с Гариком вышли на кухню, он тут же заглянул под крышку огромной кастрюли, стоящей на плите. Мамочки! Она до верху была наполнена вареными куриными ногами. Мы воровато вытащили по одной и мгновенно проглотили их чуть ли не с костями. Божественно!

Сейчас-то этим никого не удивишь, а тогда куриные ноги отдельно от курицы не продавались. Да и обычная курица в те годы тоже была дефицитом и выдавалась только целиком, обтянутая в целлофан и вместе с праздничным набо-

ром. А тут десятки куриных ног! Торчат костями вверх, как патроны в барабане, да еще и в несколько слоев...

Нет, угощение в тот раз было классное, да и выпивки было навалом, а пить-то особо еще не умели – только начинали осваивать этот бесконечный и, как показало время, пожизненный процесс. Вот наш маленький Заремба и перебрал. Весь вдруг позеленел, появилась в нем какая-то вялость, глаза стали слипаться, речь участилась и стала нечленораздельной. Отключился, короче.

Пришлось уложить его прямо на диван в большой комнате, рядом с елкой, в интимном мигающем свете которой там были организованы танцы. Так он на протяжении всего праздника на этой тахте недвижно и лежал.

У нас же с Гариком все, наоборот, сложилось поначалу очень успешно. Съели, наверное, по десятку этих бесподобных куриных ног, поэтому и не очень пока еще охмелели. Закадрили двух каких-то смазливых девиц. Танцы-шманцы-обжиманцы. За этим сладким занятием про бедного Зарембу совсем забыли...

И тут я тоже что-то немного приустал и от выпитого, и от этих возбуждающих танцев, сел на диван перекурить и вдруг слышу чей-то утробный, еле слышный, потусторонний голос:

Василий... это ты?

Я сначала даже и не понял, откуда это. Даже испугался слегка. Думаю, – ага, а не белая ли это горячка так начинает-

сыя? Дурак был совсем. Не знал, что допить до белой горячки – это еще уметь надо. Люди над этим годами работают, да еще и не каждому дано. Со стакана водки она не приходит...

А тут вдруг опять:

– Василий... – да тихо так, будто шелест ночного ветерка по листве.

Наконец до меня дошло:

– Заремба, – говорю, – это ты что ли?

А он лежит лицом к спинке дивана и даже не шелохнется, только этот придушенный и еле слышный голос:

– Да, это говорю я, – Заремба. Только прошу тебя – тише! Не поворачивайся ко мне и сиди спокойно, а то на меня обратят внимание, – а сам лежит будто труп окоченелый, абсолютно без движения...

– Да, что случилось-то, – тоже шепотом, испуганно спрашиваю я, не поворачивая к нему головы – с тобой все в порядке?

– Нет, со мной не все в порядке, – отвечает голос.

– Зар, ты что, встать что ли не можешь?

– Не могу. Даже пошевелиться не могу.

– Да в чем дело? Ё-моё! Тебе что – плохо?

– Плохо. Очень плохо. Меня вырвало. Прямо на тахту.

– Как? Все это время ты лежишь в собственной блевотине! – только теперь я почувствовал неприятный кисловатый душок с его стороны.

– Да, с тех пор. Если я встану – все увидят, что я весь

облевался. Только, умоляю, – не говори никому и принеси мне стакан воды – умираю от жажды...

Вот, господа, до чего доводит наполеонов комплекс! Так этот бедняга и не встал с той тахты до тех пор, пока мы все там совсем не перепились и, как и он, тоже не начали травить. Травили все, – не зависимо от пола и возраста. И по одиночке, и попарно, и даже целыми группами. Пусть уж Верди меня простит, но тогда просто какая-то сплошная «Травиата» у нас получилась. Видимо эти красивые куриные ноги нас подвели. А может, водка несвежей оказалась...

А утром, когда мы расходились, то заметили длинные подозрительные полосы даже и на бетонной стене дома, идущие вниз от всех четырех окон этой несчастной, вконец заблеванной квартиры. Во как! Умудрились даже и снаружи наследить. Такой вот тошнотворный тот Новый год у нас у всех вышел.

Да и утром года наступившего нас всех еще продолжало подташнивать. По молодости и неопытности утреннее похмелье бывает ужасно неприятным. Единственный из всей нашей компании, лишь малыш Заремба был уже свеж, розовощек и весь светился тихой радостью. Его физические, а главное моральные страдания, наоборот, уже закончились, а вот применить свои, воистину, выдающиеся возможности ему и на этот раз не удалось. Не до того всем было...

Дама с собачкой

Мой друг детства и однокашник Игорь Лапин сначала, как и я, вырос в Москве на Народной улице в интеллигентной семье, потому что дед Лапина был легендарным командармом Альбертом Лапиным, который позже, при Сталине, вместе с другими командармами был расстрелян, как враг народа.

Бабка же была сначала стройной красавицей и сестрой милосердия, а позднее – боевой подругой этого в последствие расстрелянного деда и знала кучу иностранных языков, потому что после ареста своего легендарного мужа на всякий случай смоталась за границу и, объехав весь свет, вернулась обратно в Москву только в конце пятидесятых уже совсем дряхлой старухой.

Отец Лапина – их сын, стал после расстрела своего отца детдомовцем и сыном врага народа, а позднее дослужился до доктора технических наук и большого начальника.

А кем была сначала мать Лапина, я не знаю. В мою же бытность она уже была преподавом немецкого языка в каком-то ВУЗе. Так что Лапин, как вы видите, даже еще живя на Таганке, уже являлся интеллигентом аж в третьем поколении.

А после того как он женился на Татьяне Герасимовой по прозвищу Гераська, которая тоже училась в нашем 9-ом «А», то переехал жить к ней в Лавров переулок, выходящий прямо на Новоспасский монастырь и в двух шагах от нашей

школы. Дом у них был старый, а их отдельная квартира – странной. Входишь во входную дверь и сразу оказываешься в огромной кухне – метров, наверное, двадцать. Из кухни дверь в коротенький коридорчик заканчивающийся уборной, а направо дверь в восьмиметровую жилую комнатку, ровно половину которой занимала тахта, где и жили молодые. А гостей они принимали на кухне, там же пьянствовали и сами.

Потом этот его странный дом поставили на капитальный ремонт, а им дали двухкомнатную квартиру в Царицыно. Тогда это казалось нам совершенно невозможным краем света, хотя сейчас я живу еще дальше, за Царицынским парком – в Орехово, и вроде бы кажется не так уж и далеко. Привык, наверное.

Так вот, когда их старый дом стали разбирать, Лапин, будучи уже дипломированным специалистом, вместе с отцом доктором наук подъехали на своей старенькой «Победе» к полуразобранному Лапинскому дому, от которого остался только кирпичный остов. Подъехали для того, чтобы забрать на дачу, хоть и старые, но прекрасные, дубовые, еще вполне крепкие оконные рамы, выданные строителями из оконных проемов и сваленные кучей для вывоза их на свалку.

День был выходной, теплый и солнечный. В это раннее утро на стройке стояла тишина, и никого кроме них во всем маленьком и тихом Лавровом переулке больше не было. Лишь вдалеке какая-то элегантно одетая дама выгуливала

свою крошечную собачонку.

Они, не спеша, отобрали из кучи несколько вполне приличных рам и стали по одной укладывать их на верхний багажник своей «Победы». Дама с собачкой подошла ближе и стала молча, но с явным интересом наблюдать за их работой. Одета эта маленькая интеллигентная дама была по воскресному – буквально с иголки. Белая кофточка с ажурным кружевным жабо и такими же манжетами, черная строгая юбка, аккуратные черные туфельки. На голове шляпка. Возраст – между бальзаковским и пенсионным. На поводке длинная собачка, с крысиным хвостиком – обе копии старухи Шапокляк и крыски Лариски из «Крокодила Гены». А может, это та самая Шапокляк и была, кто знает...

Когда они стали поднимать наверх последнюю раму, интеллигентная дама, до этого молча наблюдавшая за происходящим, обрела вдруг дар речи и, несколько склонив голову на бок, и глядя вверх, вдруг отчетливо произнесла:

– Мужчины, – вежливо спросила она, кокетливо поправив шляпку, – скажите, а вам за это по звезде мешалкой не дадут?

Ученые от неожиданности выпустили из рук последнюю раму, и та с грохотом рухнула прямо на пыльный асфальт. Казалось, весь переулок смущенно застыл вместе с ними в немом изумлении.

Дама же, видимо, удовлетворенная произведенным ею эффектом, лишь снова склонила голову, но уже в другую сто-

рону, а противная маленькая собачка со смешным бантиком на макушке, в точности повторив движение своей хозяйки, скребнула ножкой и возмущенно тявкнула.

Потом они обе неспешно развернулись и, не дожидаясь ответа на свой парадоксальный (особенно с точки зрения половой принадлежности) вопрос, спокойно стали прогуливаться дальше.

Тихое, погожее воскресное утро вновь стало сонно опускаться на заросший вековыми липами Лавров переулок. Ведь в то время это был очень спокойный, можно сказать, патриархальный уголок старой, еще наполовину деревянной, Москвы...

Сейчас-то это оживленнейший перекресток, окруженный громадами современных домов, вечно забитый нервно рычащими машинами и орущими друг на друга водителями. Но среди прочих домов и этот, обновленный тридцать лет назад дом Лапина, вековым патриархом все еще возвышается на своем прежнем месте. Правда, после того давнего ремонта он уже опять стал старым, угрюмым и обшарпанным. Весь, как гнилой пень, зарос свежими полипами кондиционеров и бородавками спутниковых антенн.

А самого Игоря там уже нет. И не только в этом доме. Его вообще уже здесь нет. Он недавно умер. Последние годы они с Татьяной снова стали жить на нашей родной Народной улице, в доме №13, в квартире родителей. А двадцать шестого января Лапин шел рано утром по Народной улице вверх,

дошел до входа в метро «Таганская-радиальная», что напротив бывшего Гариковского дома, стал спускаться по лестнице, упал и умер. Инфаркт.

А я даже на его похоронах не был. Узнал об этом только через месяц. Так, – помянул на сороковой день и все. Надо бы с Гариком съездить на его могилку, но, честно говоря, все откладываю и откладываю – как-то не хочется. Почему-то мне кажется, что после этого еще один, огромный пласт моей жизни тоже отслоится и, как жирный ком сырой глины, медленно сползет вслед за ним в реку Времени, а мы с Гариком, как два дурака, так и останемся стоять на ее берегу, но уже без Лапина...

Большой воротила маленького бизнеса

Одно время мы снимали квартиру у Наташки Лавровой на Балаклавском проспекте. Это была стандартная малогабаритка в двенадцатиэтажной башне. Две маленькие смежные комнатки и такая же крохотная кухня. Единственной особенностью этой квартиры было то, что она находилась на втором этаже, и все ее окна выходили на плоскую крышу магазина «Спорт», прилепленного к первому этажу этого же дома. Открыл окно, вышел вон, и прогуливайся по этой огромной, но загаженной верхними жильцами территории. Для нашего кота Абрикоса это было просто раздолье. Он сразу же стал полновластным хозяином всей крыши – гонял там голубей и случайно забравшихся туда диких помоечных котов.

Когда окна открывались, и комнаты после короткого весеннего дождя наполнялись сладким запахом только что выпившихся и еще клейких липовых листочков, смешанным с тяжелым духом разогретого на солнце гудрона, сплошь покрывавшего всю крышу, Абрикос просто обалдевал от счастья. Любимым его занятием было заглядывание в окна нашей квартиры. Вроде только что выпрыгнул в одно окно и через секунду, склонив голову набок, удивленно смотрит

на тебя уже из другого, не успел оглянуться, а он уже бесшумно входит в дверь, но уже с другой стороны...

Короче тот год – полтора, что мы там жили, видимо были самыми счастливыми в его достаточно убогой холостяцкой жизни. К сожалению, бедняга был кастратом.

Кстати, новые интересные времена наступили и для моего друга детства Лодя. Лодя это не имя – это прозвище, приклеившееся к нему еще с детства. Вообще-то он обозначен с рождения, как **Логинов Володя**, но еще в школе из этого полноценного и благозвучного имени почему-то выдрали середину и остались только две первые и две последние его буквы – Лодя. Коротко, удобно и совершенно непонятно для непосвященных.

Он, как раз, там, на Балаклавке работал. До нас всего пара остановок на автобусе. Поэтому он довольно часто заходил к нам в гости, а по дороге обязательно посещал и этот наш магазин «Спорт».

Дело в том, что он с детства был изобретателем, а в последствие даже активным рационализатором. Он и сейчас ещё продолжает этим заниматься. Работает, правда, в основном по, если так можно выразиться, «малым формам» – какой-нибудь уникальный складывающийся походный штопор или карманный приборчик для «серебрения болотной воды», оригинальная, но неработающая овощерезка на батарейках (такая оригинальная, что «Мулинекс» просто отдыхает), опять же карманная сушилка для грибов – нашел,

к примеру, хороший гриб, тут же его обработал и в сушилку, которая у тебя же самого за спиной, прямо в рюкзаке. Собираешь себе грибы, а процесс их сушки уже идет. Домой приносишь готовый продукт. Прелестная вещица – пока, правда, продумана лишь теоретически. Но все равно приятно ведь знать, что когда появится желание, то в любой момент можно начать ее массовое производство. Массовое потому что, узнавшие об этом грибники, будут толпами съезжаться со всей нашей необъятной грибной страны и неделями стоять в длинных очередях, чтобы приобрести эдакое столичное чудо...

Обо всех его задумках рассказать просто невозможно, ибо творческая мысль клокочет в нем постоянно – с юности и до сих пор, а годков ему набежало уже о-го-го сколько, даже больше чем мне. Буквально вчера он, например, работал над проблемой пинг-понга для пожилых. И такая его новизность, оказывается, тоже существует. Человек, к примеру, обожает играть в пинг-понг, а поднять упавший шарик не может – спина уже не гнется. Вот вам и проблема. Но если к обычной тросточке приделать небольшой стаканчик с плоской пружинкой, то можно накрыть им упавший шарик и поднять не нагибаясь.

По этому поводу Лодя мне вчера и звонил. Его интересовало, сколько в мире может быть любителей пинг-понга с негнущейся спиной. Грубый подсчет показал, что таких должно быть не меньше десяти миллионов. Даже если это

Лодино изобретение купит хотя бы один из десяти, с наваром всего в доллар с каждого – Лодя миллионер. На том и распрощались.

Так вот, возвращаемся обратно на Балаклавку. Однажды, как раз весной – звонок в дверь. Открываю – Лодя.

– У тебя деньги есть?! – глаза какие-то дикие, красный весь, возбужденный.

Я сразу подумал, – наверное, несчастье какое:

– Да что случилось—то?

– Деньги нужны, хотя бы рублей сто! Есть?

– Наверное, – говорю, – надо посмотреть. Да, в чем дело-то? На штраф что ли в милиции налетел? Зачем тебе сразу столько денег.

– Какая к черту милиция! Шайбы!!!

– Я смотрю на него, – вроде бы не пьян, на весеннее обострение тоже не похоже:

– Какие еще шайбы на сто рублей? Для болтов что ли? Сколько же тебе нужно этих шайб, тысячу?

– Лучше две, – отвечает он, и я опять начинаю сомневаться в его дееспособности.

– Да, именно, две – две тысячи это минимум, и шайбы нужны не для болтов, а для хоккея...

– Ну-ка зайди и объясни толком! Чушь несешь какую-то!

– Да, что там объяснять! В вашем «Спорте» шайбы дают по пять копеек за штуку – это считай даром! Давай деньги и побежали, а то магазин закроется, а завтра цена уже другая

будет. Я тебе по дороге все объясню...

И мы помчались вниз, в магазин, а по дороге я узнал, что, увидев даровые шайбы, изобретательный Лодин мозг сразу сообразил, что если их слегка доработать, то получатся прекрасные колесики для сумок-тележек, и он тут же на месте принял решение непременно осчастливить такими тележками тысячи утомленных непосильным трудом домохозяек.

– Давиться будут за этими тележками, – вот увидишь, – добавил он, – цены-то на них будут смешными, потому что колеса, считай, бесплатные.

Мы ворвались с ним в магазин буквально за пять минут до закрытия:

– Шайбы хоккейные еще есть? – прямо от входа выкрикнул Лодя.

– А шо, вам так много их надо? – спросил старый еврей, еще стоящий за прилавком.

– А сколько есть? – тоже по-еврейски, вопросом на вопрос, отпарировал Лодя.

– Розочка! – не поворачивая головы и продолжая лукаво смотреть прямо на нас, крикнул продавец, – сколько у нас есть – «шайбы хоккейные упрочненные резиновые», молодые люди интересуются. Шо у нас их мало, или как?

– А я знаю? Четыре ящика по пятьсот штук, – раздался голос невидимой для нас Розочки.

– Так и скоко же будем брать, молодые люди?

– Все берем! – страстно выкрикнул Лодя.

Если бы мы прямо на глазах у этого веселого еврея превратились бы в крыс и убежали бы прямо под его же прилавок, то и тогда его сморщенное лицо не выразило бы такой крайней степени изумления...

– Скоко!!! – было очевидно, что за всю свою многолетнюю и беспорочную службу в торговле спортивными товарами такое количество хоккейных шайб у него никто никогда не покупал.

– Берем всё, что у вас есть – уже спокойнее повторил Лодя.

– Две тысячи шайб хоккейных упрочненных??? – еще раз, выпучив глаза, уточнил тот.

– Да, две тысячи упрочненных, по пять копеек за штуку, – Лодя развеял последние его сомнения в незыблемости нашего решения.

– Но боже ж мой, юноши, зачем вам стоко??? Я даже не знаю, могу ли я отпустить стоко шайб в одни руки? Мы же не оптовая база. Мы магазин. Обслуживаем только спортивно настроенное население.

Тут надо, к сожалению, остановиться и дать вам некоторые пояснения. Если бы это произошло сегодня, то любой продавец лишь бы нервно сглотнул и постарался бы, как можно скорее сплавить нам весь этот явно лежалый товар, пока мы не передумали или пока у нас не закончится припадок внезапного умопомрачения.

В те же полусовковые времена жуткой инфляции, цены

на некоторые товары попадались действительно смешные, в то время как дефицит самих этих товаров переваливал за все разумные пределы. Их выдавали в основном по записи и не более чем по одной вещи в одни руки. Поэтому поставленный перед Лодей вопрос был совсем не праздным. И если бы он сразу не нашелся, то этой массовой и бестолковой закупки у нас могло бы и не случиться.

Но, к сожалению, Лодя нашелся. Причем нашелся, мгновенно, экспромтом и поистине гениально:

– Мы конструируем машину для тренировки вратарей, – как бы нехотя сообщил он, – а у нее только на одну загрузку уходит 500 шайб! Скорострельность до ста шайб в минуту – представляете какой бой!

– Это шо, такой новый спортивный тренажер-автомат? – все еще сомневаясь, спросил продавец.

– Какой там автомат – пулемет! Вернее, шайбомёт. «Гуллит-2М», – не слышали?

– Нет.

– Да вы что! Сила удара до пяти килоньютонов, – вдохновенно врал Лодя, – металлическую сетку ворот пробивает навывлет...

– Та шо вы говорите! А это не опасно для самого голкипера?

– Нет, в комплект входит специальное снаряжение из кивлара, как на бронезилетах.

– Надо же! Розочка, ты слышишь? От техника до чего до-

шла! Платите в кассу...

Короче, через полчаса моя малогабаритная квартирка стала микрогабаритной, потому что с того памятного вечера, и в коридоре, и в совсем крошечной Машкиной комнатке поселились шайбы. К гудроновой вони с улицы добавился еще и тонкий аромат высококачественной резины. Приблизительно, такой, какой бывает в мастерской по ремонту обуви.

Дело в том, что к изготовлению сумок на колесиках Лодя вдруг внезапно охладел, увлекся какими-то двухслойными супертеплыми теплицами для северных широт, а в результате я еще лет десять перевозил эти неподъемные ящики с резиной по всем своим многочисленным квартирам.

Но хорошо все то, что хорошо кончается. Пролетели годы перестройки и гласности, Горбачева сменил Ельцин, а Ельцина Путин, прогремели путчи и дефолты, цены выросли во много раз и, наконец, хоть как-то стабилизировались. Тут-то Лодя вдруг и вспомнил про это свое гениальное приобретение. Шайбы к тому времени даже уже и вонять перестали, да и мы сами с ними как-то свыклись...

В общем – продал он, наконец, свою резину какому-то большому спортивному магазину. И с большой выгодой, между прочим. А образец его колеса для тележки у меня до сих пор еще цел. На рабочем столе лежит. Я насверлил в нем дырок и вставляю туда свои карандаши. Удобная вещь, между прочим!

Жаль, что он уже все их продал. Можно было бы загнать эти шайбы в качестве оригинальных подставок для ручек и карандашей.

Административные работники в сфере развития культуры и спорта просто балдели бы от таких крутых и продвинутых пресс-папье...

Настоящий профи

Ремонт и переезд, как известно, приравниваются у нас к двум пожарам. Такова уж наша национальная специфика. Причем, это мудрое изречение понятно только здесь и только нам самим. Будучи, например, в Америке я однажды наблюдал, как это всё происходит там.

К дому, а это у них, как правило, средних размеров двухэтажный коттедж, подъехало что-то жуткое и мигающее всеми своими многочисленными и разноцветными фонариками. Как выяснилось – невероятных размеров фура. Такие огромные сияющие на солнце хромированными деталями агрессивные грузовики до этого я видел только в кино, в фильмах ужаса. Железнодорожный товарный вагон. Я не преувеличиваю. Это было размером именно, с вагон, если не больше. Борта этой громадины вдруг отвалились и превратились в пологие пандусы, по которым несколько рабочих на специальных тележках стали закатывать вверх мебель. Причем без всякой ее упаковки или разборки – прямо целиком. Я думаю, что в платяных шкафах осталась висеть одежда, а кровати, тоже затянутые пленкой и окруженные широким скотчем, выкатывали из дома прямо заправленными, вместе с постельным бельем и подушками. Во всяком случае, в шкафу со стеклянными створками я видел так и оставшиеся там стоять книжки. Вся операция заняла ми-

нут пятнадцать – не больше. Потом пандусы на фуре стали подниматься, рабочие, как суслики, попрыгали внутрь, и расселись на затянутых пленкой диванах. Громадина медленно тронулась с места и, набирая скорость, исчезла. Уверен, что на новом месте, куда, видимо, переезжали мои соседи, всё чуть позже происходило точно так же, только в обратном порядке. Расставят мебель по комнатам, пленку с нее сдерут, пыль смахнут и все! Живи себе на здоровье...

Пожаром, как видите, даже и не пахнет. Вообще ничем не пахнет. Эти легкие на подъем американцы, по-моему, даже и не замечают все эти свои бесчисленные переезды.

У нас же все это происходит несколько иначе. Жуткая, скажу я вам вещь, причем, – переезд не лучше ремонта и наоборот. Но так уж сложилась наша жизнь, что и того и другого в ней у нас оказалось выше крыши. Переездов этих с обязательными последующими ремонтами, которые мы с Натальей всегда делали сами, накопилось в ней такое множество, что даже их подсчет вызывает у нас нескончаемые споры. Она утверждает, что их было девять, я склоняюсь к цифре одиннадцать. Хотя и то, и другое страшно удручает, ибо простой подсчет показывает, что нами с ней пережито что-то около сорока условных пожаров, а сколько еще предстоит, даже и подумать страшно. Согласитесь, что для одной жизни, хоть и совместной, такого количества многовато. Вся жизнь – один сплошной пожар! Но каждый раз мы, как в сказке, выходили из огня целыми и невредимыми. Просто

как саламандры какие-то. Ничего не берет! Классический пример огнеупорного, исконно русского саламандризма...

Единственный плюс от всей этой суеты – это накопленный в ее процессе бесценный жизненный опыт. Упаковать за час целый шкаф книг, починить водопроводный кран, установить розетку или навесить кухонную полку, а то и раковину – все это делается нами уже автоматически, походя и на одном дыхании.

Наталья только скажет: «А почини-ка ты, братец, унитаз – шумит, гад, так, будто у нас в туалете днем и ночью бурлит бессрочный митинг оппозиции. Я спать из-за него не могу». Не успела сказать, а я уже чиню. Иногда, знаете, даже и года не пройдет...

А, впрочем, давайте не будем углубляться в эту мелкую и скользкую унитазную материю...

Поважнее дела были. Вот, например, когда мы переехали на Бауманскую, как нам тогда наивно казалось наконец-то навсегда, то там уж и вовсе докатились до капитальной деятельности. Стали даже ломать стены, строить новые перегородки, менять двери, и заниматься прочими уже почти профессиональными играми.

Что ты! Из двухкомнатной по документам квартиры, которая на самом деле была трехкомнатной, решили сделать четырехкомнатную, потому что в одной из комнат у нас там было два окна. При таком нашем строительно-ремонтном опыте грех было это не использовать. А мне как раз позарез

нужен был отдельный кабинет.

Да! – совершенно отдельный. Только для меня! Предполагалось, что при наличии такого отдельного кабинетика, я, изолированный от дивана, телевизора, холодильника и этого бесконечного застолья с друзьями...

Иными словами, освободившись от отвлекающего абстинентного синдрома по утрам, я, с мыслями, устремленными лишь к сияющим вершинам науки, легко напишу там докторскую диссертацию, чем, собственно, и пополню, наконец, наш скудный семейный бюджет. Такая у моей жены была задумка.

Собственно, по этой причине, в соответствии с ее вышеизложенными наполеоновскими планами, это совершенно идиотское, с точки зрения женской логики, действие – а именно – превратить просторную спальню с парой высоких окон, выходящих в тихий, тенистый двор, в две маленькие душные клетушки, моей супругой временно не припятствовало.

И вот мы с покойным моим тестем, обойдя ближайшие помойки и обзаведясь таким образом строительным материалом, осуществили, таки, эту мою до селе недостижимую мечту – отдельный кабинетик обязательно закрывающийся изнутри на задвижку. Возвратился вечером с работы, тихонько проскользнул в квартиру, быстро юркнул туда, шелкнул изнутри задвижкой и всё! И ты свободен, как горный орел! Вольно и бездумно паришь себе в бескрайних просторах.

Вернее, развалишься себе в кресле, как король, даже не снимая грязных ботинок! И никто тебе не указ. Красота!

Привычное шуршание и суета домашних за закрытой дверью несколько притупляются, а громкий шёпот: «Тише дети, вы что, не видите, – папа работает! Пишет диссертацию!», наполняет душу полнейшим умиротворением и навевает приятную тягучую дрему...

Короче, мы с Кузмичем довольно быстро возвели там стену, врезали дверь, навесили книжные полки, внесли маленький письменный стол, капитально, прямо внутри, обмыли это дело – и кабинет, по своим габаритам и уюту более напоминающий средних размеров туалет, был готов.

Правда, тихая радость от этого приобретения продолжалась недолго, потому что за периодом хлопотной гласности вдруг последовала перестройка, а за перестройкой грянула всеобщая халява, в которой тихая научная возня со всеми ее апробациями, аттестациями, публикациями и диссертациями, как-то временно отошла на второй план.

Мы с Володиёй Рымарчуком смело ринулись в пучину кооперативного движения, наука была нами попорана и стала далее существовать без нас, чего она, впрочем, видимо, даже и не заметила. В отличие от моей зоркой супруги, которая, поняв, что, скорее всего, никакой докторской диссертации в нашем доме сделано так и не будет и профессоршей ей теперь уже не стать никогда, тут же с завидным энтузиазмом восстановила попоранное мною статус-кво. Срочно опять был

призван безотказный Кузьмич, ненавистные ей стены рухнули, кабинетные двери вместе с задвижкой отправились гнить на дачу, а все прочее – опять на помойку.

Мы с Кузмичем крепко отметили и этот акт беспардонного вандализма, и круг снова замкнулся, – справедливость, как всегда, восторжествовала, и нашей спальне было вновь возвращено ее исконное, присущее ей с рождения второе окно.

Но на этом перестройка и вне, и внутри нашей квартиры отнюдь не завершилась.

Вовне вовсю уже бушевал очередной съезд Верховного совета, а внутри нашей квартиры тоже решались не менее важные проблемы.

Коли в спальне появилось еще одно окно, то понадобились и соответствующие ему портьеры. А любой уважающей себя портьере тоже ведь надо за что-то в жизни уцепиться. Именно с этой целью для нее и был приобретен вполне приличный карниз. Но навеска карниза в старом доме, где никому неизвестно, что скрывают его загадочные неохватные стены, это всегда сложный и весьма сквернословный процесс. Потому что после изнурительных замеров, требующих воистину цирковой эквилибристики – высота потолков-то аж три с лишним метра, начинается процесс сверления в них отверстий под, так называемые, пробки. А это всегда чревато. Ты можешь попасть в бездонную пустоту какого-нибудь доисторического дымохода и, если повезет, отыскать заму-

рованный там клад, или, наоборот, уткнуться в толстенную стальную балку, или, что еще хуже в балку бетонную, а если уж совсем не повезет, то предполагаемое место крепления может быть вообще утрачено – может отвалиться вместе с огромной глыбой штукатурки, пронизанной разложившейся вонючей дранкой.

Что поделаешь, – такова уж участь часто внешне очень симпатичных, уютных и, находящихся, как правило, в приятном тихом центре, старых домов.

Поэтому именно этот вид благоустройства я меньше всего и люблю. И, когда Наталья в очередной раз стала призывать меня к исполнению мною моего супружеского долга, – навески этого второго спального карниза, – я впервые за многие годы беспорочной семейной службы уклонился от этой почетной обязанности: Ага! Прямо вот здесь счас разуюсь и полезу на стремянку дырки тебе под потолком долбить! Нашла, понимаешь, долбоё..., вернее, долбидьника или, как там его – долбителя... Тьфу ты, господи, – и не выговоришь! – взорвался я. – Что мы – бедные что ли? Ты что забыла, что на дворе давно уже перестройка, а твой супруг, слава Богу, не профессор какой-нибудь, а успешный субъект частного предпринимательства. Высокооплачиваемый и далеко не последний член научно-производственного кооператива «Экоцентр»! Пора понять, понимаешь, что наконец-то настали новые времена! Когда каждый может и должен зарабатывать только тем, что он любит, а, главное, профессио-

нально умеет. Открой любую газету, найди нужную рекламу и вызови себе подходящего долбителя. Пусть он и навешает тебе, что надо, причем, как настоящий профи – **за день-ги**. А это значит – быстро, качественно и действительно профессионально. И пусть поторопится. Хотелось бы, дорогая, чтобы к моему приходу штора уже висела, сколько бы это нам ни стоило! Твое дело только проследить за качеством проводимых им работ. Все же финансовые проблемы я беру на себя, – гордо, по-купчески выпятив живот, закончил я.

– Гуд бай, моя радость! В случае чего – звони. К ужину буду обязательно.

Чрезвычайно гордый собою, я важно вышел вон, оставив любимую супругу в некоей недоуменной растерянности. До сих пор мы всё и всегда делали по дому сами...

Днем за научно-производственной суетой, я абсолютно забыл обо всем этом, а когда вечером открыл входную дверь, то сразу же увидел, что на полу нашей спальни сидит какой-то посторонний мужик. Сосредоточенно сопя, он разбирает замысловатые бирюльки нового карниза, а на его крепкой шее, как бусы у заправского дикаря, болтаются на веревочке многочисленные крючочки для навески штор. Я небрежно кивнул этому беспардонному папуасу и важно прошел на кухню – вкушать ужин.

– Давно трудится? – спросил я тихо.

– Часа два уже, – каким-то радостным шепотом прошеле-стела жена.

Мы тихо прикрыли дверь и как два заговорщика стали вполголоса восхищаться:

– Я дозвонилась ему сразу же, – восторженно шептала Наталья, – по первому же попавшемуся объявлению. она пододвинула мне газету.

В разделе «Услуги» красным фломастером было обведено: «Навешиваю всё!!! Быстро и качественно. Цены умеренные».

– И почему берёт? – спросил я с ревнивым любопытством начинающего кооператора, – действительно умеренно?

– Не знаю еще.

– Как? Ты что, – даже не спросила сколько он просит

– Нет.

– Ну, так пойдя и спроси.

– Неудобно как-то. Человек работает. Я ему приносила кофе со свежими булочками.

– Ну, и..?

– Кофе он выпил.

В ее голосе мне послышались нежные нотки.

– А булочки? – опять ревниво спросил я.

– А булочки съел.

– Надо же! Какая удача! Булочки съел! Я рад, что твои свежие булочки пришлись по вкусу этому дикарю, – съязвил я, – надеюсь дальше булочек у вас с ним дело не пошло?

– Какой же ты дурак, – беззлобно отпарировала она, – он же ростом – даже ниже меня!

О, боги! Опять эта недоступная человеческому пониманию женская логика! Ну, хоть вы мне объясните – ну, причем здесь рост? Разве рост мужчины так уж важен, когда дело доходит до этих самых свежих булочек...

Мы еще немного пошептались, но через полчаса я не выдержал и как бы невзначай снова прошел мимо двери в спальню. Дикарь, теперь уже переименованный мною в жалкого пигмея, сидел, поджав под себя ноги и слегка покачиваясь. Сидел в той же самой позе, напряженно вглядываясь в лежащую на полу инструкцию. Его бусы покачивались вместе с ним, свисая почти до самого пола. Издалека можно было подумать, что он молится или решает какую-то сложнейшую математическую задачу.

Это меня так заинтриговало, что я, гонимый любопытством, тоже зашел в спальню, зашел как бы невзначай. Как бы просто так, как хозяин дома, имеющий право ходить везде, где и когда ему заблагорассудится:

– Что, какие-то проблемы? – небрежно спросил я.

– Понимаете, – он посмотрел на меня снизу вверх и в глубине его взгляда я уловил какое-то затаенное страдание, – понимаете, очень уж необычное у вас устройство. Вот здесь, в пункте два, позиция четыре, например, сказано: «Протащите шнур прямого хода (3) слева направо через штангу (5) относительно комплиментарного ему шнура обратного хода (2), идущего справа налево по тому же каналу штанги (5), но уже в обратном направлении, причем так, чтобы эти па-

параллельно идущие в разные стороны шнуры, сохраняя идеальную подвижность, не мешали работе друг друга». Я что-то не пойму – как это – «подвижность»? Ведь это же обыкновенные веревки!

– Секундочку, – я тоже присел на корточки рядом с ним, – недавно я уже имел дело с подобной конструкцией, – за чем-то соврал я...

На самом же деле мне просто стало его жалко, и я решил ему немного помочь. Несчастный мужик – не вышел ростом, уже в возрасте, сидит тут на полу, мучается. И эти, унижающие человеческое достоинство, бусы. Нехорошо как-то. Да и время уже позднее – не ночевать же здесь вместе с ним...

– Так, товарищ, давайте не будем расстраиваться, – сказал я бодрым голосом доктора, только что объявившего вам о вашей близкой кончине. – Ничего страшного. Сейчас мы спокойно и не спеша во всем разберемся. Итак...

«Протащить шнур прямого хода... – теперь уже я начал читать вслух это загадочное заклинание, вглядываясь в тайнопись смазанного и плохо пропечатанного хитроумного рисунка, состоящего из каких-то штрихов и пересекающихся линий, и более напоминающего наполненную тайным внутренним смыслом и каллиграфически выполненную японскую гравюру «Танец молодого бамбука под косыми струями дождя»...

После этого уже он зачитывал текст вслух, а я, ползая по полу, собирал всю эту головоломную конструкцию, затем

уже я, обливаясь потом, сверлил в стене дыры, а он держал подо мной стремянку. Потом мы поменялись ролями – я, стоя под потолком на одной ноге, вставлял отсчитанные им крючочки, которые он по одному снимал со своего ожерелья и передавал наверх мне. А когда уж мы вместе приступили к самой сложной процедуре – к процессу самого навешивания, он мог почти без подсказок и уже вполне профессионально ассистировать мне, – то, принимая от меня дрель, то, в нужный момент, подавая наверх молоток...

Ничто так не сближает людей, как совместный созидательный труд, поэтому расстались мы с ним, можно сказать, закадычными друзьями.

Полюбовавшись на проделанную работу, он тщательно пересчитал полученный гонорар, обещанная «умеренность» которого в первый момент вызвала у меня даже некоторую растерянность, тут же перешедшую в искреннее к нему уважение. Возникла даже нездоровая зависть. «Эх, – мне бы так научиться!» – подумал я про себя, отсчитывая деньги.

Да, крепкая рука профи чувствовалась в нем даже в момент передачи денег – этой, как правило, всегда натянутой и оттого неловкой процедуры...

– Спасибо тебе за помощь, – совершенно искренне поблагодарил он меня, неспешно укладывая новенькие купюры в свой бумажник. – Теперь-то я уж точно знаю, как надо навешивать эти жуткие карнизы. А ведь какая хитрая штучка нам попалась! Одни эти комплементарные шнуры чего сто-

ят! Не находишь?

И я действительно сразу даже и не нашелся, что на это ему ответить, а лишь восхищенно кивнул вслед.

– Да, черт возьми! – завистливо думал я про себя, следя за его неспешно спускающейся вниз коренастой фигурой...

– Да! Как, наверное, приятно быть вот таким – настоящим, закаленным и уважающим себя профи навешивающим всё...

Клад

Мой хороший приятель еще с институтских времен Саша Бородинский в 1974—1976 гг. являлся членом сценарно-редакционной коллегии «Мосфильма», а в 1976—1977 гг. даже главным редактором по кинокомедиям. Или что-то к этому близкое, сейчас точно не помню. Главное, от него тогда зависело – какие сценарии принимать, какие нет. Короче, мог что-то протолкнуть, а мог и тормознуть.

И вот однажды на каком-то мальчишнике, которые в те времена мы устраивали достаточно регулярно у нас случился очень страстный и эмоциональный спор на тему творческой, в частности, сценарной деятельности. Саша тогда уже считался настоящим спецом в этой области, окончил сценарный факультет ВГИКа, по скольким-то его сценариям были уже сняты фильмы. Вот мы все по пьяному делу и стали к нему приставать с провокационными вопросами.

Мы – это основные члены нашей тогдашней компании Леша Команов, Боря Лейбович, Василий Лихачев, к тому времени уже его родственник, так как его сестра Татьяна, уже вышла за Сашу замуж. Этот наш дружеский «кружок» образовался еще в студенческие годы, когда мы начали ездить в Воркуту, которая и для самого Саши и для Лихачевых была тогда родным городом. Не потому что они были ссыльными или их детьми. Нет. Просто они там жили вместе с ро-

дителями. Сашин отец – Эммануил Яковлевич работал там по снабжению, а отец Василия Лихачева – Дмитрий Николаевич – был директором шахты. Благодаря этому последнему обстоятельству – Я, Лешка, и Дима Авдеев там впервые и оказались.

Дело в том, что Василий Лихачев учился с нами в одной группе, в московском Горном институте, и он пристроил нас туда, в Воркуту, для прохождения обязательной для всех практики на шахте своего отца.

Позже, когда и Василий и Саша стали уже москвичами, мы встречались регулярно, и можно сказать, были в то время, а я надеюсь и остались до сих пор, закадычными друзьями, хоть и встречаемся теперь крайне редко. Что сделаешь – старперы уже...

Идею этих мальчишников сам Саша из Воркуты и привез. К тому времени она обросла определенными правилами и условностями. Участвовать в этом сборище могла только лучшая половина человечества, то есть мы сами без жен. Пить можно было только водку. Закуска полагалась простейшая – армейская: колбаса, соленые огурчики, консервы, допускались пельмени из пачки. Ругаться матом нужно было непрерывно и в обязательном порядке, хотя в отсутствии дам делать этого почему-то не хотелось. Все же остальное допускалось – как пойдет. По вкусу.

И вот на одном из таких мальчишников возник спор. Мы тогда еще были достаточно молодыми, получали как инже-

неры какие-то копейки, а Саша был уже признанным сценаристом и кроме оклада получал еще огромные по тем меркам деньжищи – как автор фильмов, снятых по его сценариям.

А платили тогда в кино очень по-разному. Сценаристам, например, почему-то очень круто. За снятый по твоему сценарию фильм можно было получить на круг тысяч двадцать рублей – огромные по тем временам деньги. Тогда эта индустрия была прибыльной, телевизора считай не было, американского засилья тоже, хорошие фильмы смотрели практически все, так что прибыль после такого проката достигала многих сотен процентов. Вот и платили.

И вот заспорили о том, как это несправедливо. Ты, мол, придумал какую ни будь хохму, написал тридцать страничек текста на машинке и пожалуйста тебе – получай кучу денег. А мы технари, да ученые – будь хоть семи пядей во лбу больше оклада ни-ни. Ну, если уж ты, действительно, лучший из лучших, то может быть раз в жизни получишь какую ни будь премию ленинского Комсомола и все. Так ведь и сценаристы, и вообще киношники тоже эти премии на всяких фестивалях пачками получают. Такая была наша аргументация этой вопиющей социальной несправедливости.

Пили, короче, пили, спорили, спорили, ругались, ругались, а потом Саше надоело все это – одному от всех нас отбиваться и он вдруг и говорит:

– Хорошо, раз вы такие умные. Раз вы считаете, что придумать сценарий плевое дело, – тогда – пожалуйста вам.

Каждый может попробовать. Пишите. Вот я перед всеми торжественно клянусь. Кто сможет написать тридцать страниц текста, только так, чтобы была завязка, какое-то там действие, чтобы были герои, хоть с какими-то характерами... Короче, чтобы хоть немного было похоже на сценарий хотя бы даже к очень плохому заштатному фильму, я обязуюсь этот сценарий принять, пробить и положенные за него деньги выплатить.

Все сразу как-то притихли. С одной стороны понимали, что Саша идет ва-банк, берет нас на понт. Но, – с другой, – все знали, что если он сказал, тем более перед всеми, то от слов своих не откажется. Умрет, но сделает как обещал. Такой принципиальный был.

И все призадумались. Конечно он прав, – написать совсем непросто – что там говорить. Но деньжищи то какие и всего тридцать страниц. Я, конечно, тоже стал прикидывать в голове – как и все. Делил страницы на рубли, рубли на дни и все такое прочее...

Не знаю как другие, а я все-таки решил тогда попробовать. Думал, думал и придумал. Большой сценарий на целый фильм мне не написать – это слишком сложно, а вот разбить его на три, скажем, части и сделать такую трилогию из трех рассказиков, связанных общими главными героями – это уже было много проще. Всего десять страниц на каждый рассказик. Такой простой тогда родился у меня чисто математический расчет.

И опять я думал, думал, думал и три таких смешных рассказика, наконец, придумал. Про веселых студентов. Бедных, но неунывающих. Это все тогда было еще очень близко. С момента окончания института прошло всего, наверное, лет пять.

И вот, я стал писать. Мучился страшно, но все равно все осилить не смог. Сашка молодец был – не побоялся. Знал, что мы ленивые, а эта работа только для упорных. Действительно, мозги свернешь, пока хоть одну только страничку придумаешь.

Но на один рассказ меня тогда все-таки хватило. Все это, конечно, напрочь сейчас забылось, но вот совсем недавно этот мой титанический труд снова попался мне на глаза. Это была настоящая рукопись – в смысле написано было от руки. Лежала она в какой-то пыльной папочке. Десяток больших листов в клеточку. Написано было аккуратно и ошибок совсем немного, значит это чистовик. Надо же – не поленился и от руки все чистенько переписал. Может даже не один раз. Вспоминается даже, что показывал я этот свой первый опыт другому моему другу – Лоде. Правда, не помню – оценил тот его или нет. Смутно помню была зима, холодно, а мы с ним стоим между дверьми станции «Университет», где дует теплый воздух и беседуем об искусстве, обсуждаем мое первое произведение. Приятное такое чувство, поэтому наверное и запомнилось...

А теперь я еще немного подумал (это уже лет через трид-

цать) и решил – не поленюсь, перепечатаю-ка я его, может чуть-чуть что подправлю – только корявый стиль и совсем явные ляпы и тоже поставлю его здесь, вместе со всеми другими рассказиками. Пусть уж будет. До кучи, как говорить-ся...

Что из себя представляли две остальные части той моей трилогии, как они назывались и о чем они должны были поведать миру, сейчас я уже не помню, но первая часть, как и весь этот рассказ, так и называлась:

КЛАД

Жарища стояла ужасная. Несмотря на то, что шел только конец мая на улице стоял настоящий июльский зной, а в комнате и вообще было невыносимо. Но, тем не менее, все трое лежали на койках и безжалостно курили.

– Да, – сказал Мишка, – в Крыму сейчас хорошо: море, прохлада, шашлыки на мангалах манят к себе томных отдыхающих.

Никто ему не ответил. Два других его товарища молча пускали к потолку густые клубы дыма...

Да и ответить им было нечего. Никто из них не был в Крыму, а что такое мангал и почему он должен манить к себе томных отдыхающих, представлялось как-то неясно и только теоретически.

Зато ясно было, что если Гога не вернется в течение часа,

то их желудки слипнуться от голода.

Дело было в том, что все трое завтракали только вчера в институтской столовой, да и то не очень плотно. Стипендию должны были выдать через два дня, денег ни у кого не было, занятия кончились – оставалось только лежать и ждать. Ждать стипендию было бессмысленно, все равно до нее не дожить, поэтому ждали Гогу.

Гога среди студентов считался личностью необыкновенной, почти легендарной. Как и когда он поступил в институт никто не знал, так как все его однокашники давным-давно стали инженерами. Сам же Гога продолжал грызть гранит науки с поразительным упорством, и, несмотря на то, что стипендию он никогда не получал, деньги у него всегда водились, а когда их у него не было, то он всегда знал, где и как их достать.

Этот учебный год был для Гоги счастливым – он перешел на следующий, четвертый курс. Такое событие случилось с ним не каждый год, и поэтому было решено отметить его скромным семейным ужином. Этого-то ужина и ожидали его голодные друзья и однокашники.

Гога ушел утром, когда все еще спали, а оставленная им записка: «Протирай стаканы, накрывай на стол – гулять будем! Гога.», свидетельствовала о том, что Гога решил устроить небольшой «бемс».

Стол был давно накрыт, стаканы протерты, а Гоги все не было. Но любому ожиданию приходит конец, и вскоре

в замке входной двери заскрежетал ключ, дверь с грохотом отворилась и через секунду в комнату вошел высокий худощавый юноша. Это и был Гога. На нем была красная рубашка, протертые фирменные джинсы, и все это венчала копна черных, давно нечесаных волос. Гога вихрем промчался по комнате растормошил всех лежащих и грохнул на стол большой и тяжелый, выдавший виды портфель, в котором что-то заманчиво звякнуло.

– Скажи Мишка, – пророкотал Гога заглядывая в бездонные внутренности своего портфеля, – ты какое вино больше уважаешь: красное Мукузани или белое Кинзмараули? Ха! Не знаешь! А Гога знает! Больше всего, господа, вы уважаете благородный белый портвейн с прекрасным названием «Винний напій фантазія». Божественная вещь!

С этими словами Гога вытащил из своего портфеля две громадных черных бутылки. Эта небольшая Гогина речь была встречена бурными овациями, переходящими в суетливое нарезание колбасы, хлеба и всей той нехитрой снеди, которую он притащил с собой.

Когда все было готово и разложено на газете все уселись за стол.

– Ну, что ж, – сказал Мишка, беря в руки одну из бутылей, – выпьем за наши успехи и за нашего спасителя! Штопора, конечно, в этом доме нет, поэтому будем открывать методом выбивания.

При этих словах Мишка повернул бутылку донышком

вверх и нанес по нему серию сильнейших ударов. Бутылка это выдержала, но и пробка не поддалась. Мишка повторил попытку, – результат тот же – пробка намертво застряла в горлышке и выбиваться совсем не желала.

– Дай сюда, – сказал Гога, – это надо делать не так. – он подошел к противоположной стене, на которой висела огромная карта мира, примерился, и грохнул доньшком бутылки в самый центр Земли, где-то в районе экватора.

К всеобщему удивлению, раздался странный треск, – бутылка напрочь смела с лица Земли загадочные Бермудские острова, унесла с собой часть Океании и по самое горлышко погрузилась в голубые воды Мирового океана. Даже всегда невозмутимый Гога растерялся и от испуга отдернул руку. Торчащая из бескрайних вод огромная бутылка выглядела настолько дико, что все оцепенели, пораженные этим апокалипсическим зрелищем.

Но Гога быстро пришел в себя. Двумя пальцами он вытянул бутылку и через круглое отверстие осторожно заглянул внутрь Земли.

– Там что-то блестит, черт меня подери! – заорал он.

Все бросились к дыре, и уже через минуту, разодранная карта и куски штукатурки валялись на полу, а в стене образовалась небольшая ниша, в глубине которой аккуратно стоял подстаканник со стаканом, из которого торчали две маленькие ложечки.

– О-о-о, – диким голосом заорал Гога, – Я знаю как это

называется. Это называется клад!

Распихав всех он схватил подстаканник, подбежал с ним к окну и стал корябать его своим большим крепким ногтем.

– Там что-то написано, – впервые подал голос Алик, – от волнения он весь покраснел, стекла его очков запотели и он все время протирал их краем рубашки.

– Да, действительно, – передал ему стакан Гога. – на, давай читай, ничего не пойму в этих кренделях.

– Так, – сказал Алик и водрузив очки обратно на свой нос начал читать: «дорогой Танюшке в день ангела от В.П.» и число 5-е декабря 1910 года.

– Это хорошо, – сказал Гога, – а проба там есть

– Есть – 835-ая

– Хорошо! Это очень хорошо, – опять закричал он, – я знаю как это называется! Это называется серебро, – и, вырвав у Алика из рук подстаканник, швырнул его в черноту своего портфеля, – сейчас мы пойдем и сдадим его... в милицию, – продолжил Сашка, – и получим положенные нам по закону тридцать процентов его стоимости, – радостно закончил он.

– Саша, – назидательно заметил на это Гога, – Саша, ты умный человек и я тебя очень уважаю, но ты дурак! Зачем нам тридцать процентов? Нам не надо тридцать процентов. Мы получим сто процентов!

– Но это же незаконно – мы нашли клад и нам положено только тридцать процентов, а не сто, – затараторил Сашка.

И никто нам не даст все сто. Я сам читал в газете.

– Он ничего не понимает, картинно развел руками Гога, – где ты видишь клад?! Это клад? – Гога опять вытащил подстаканник и завертел им перед самым Сашкиным носом, – Это что – клад? Это не клад. Это называется лом. Понимаешь, лом. Дорогой Танюшке, дорогой Клавдюшке – это не важно! Вес важно. Драгоценный металл – ой, как важно! Проба – тоже важно! Ты понимаешь или нет?

– Ну, и идите, и сдавайте свой лом, – обиделся Сашка, – а мне вашего незаконного лома не надо.

– Ты что – сдурел? – набросился на него Алик.

– Человек просто обалдел от счастья, – перебил его Мишка. Не хочет – и не надо. Пошли. Веди нас, пастырь, наш – мы готовы...

– Пошли, пошли, ребятки, – заторопился Гога – У меня в скупке один хороший знакомый есть. Через два часа мы будем пить настоящий грузинский вино, а не этот вонючий фантастический чернила.

Дверь хлопнула, ребята гурьбой вывалили на улицу. Сашка остался один. А зря.

Потому что в действительности все произошло именно так, как и предсказывал всезнающий Гога – уже через два часа они все вместе возвращались обратно. Впереди всех выхаживал Гога. Он улыбался во весь рот, оглядывался на проходящих девушек и время от времени поглядывал на свои новые сандалеты. Они были сделаны из добротной свиной

кожи, с большими блестящими пряжками и приятно хрустели на ногах.

За ним шествовал Алик. На нем была новая яркая ковбойка, которая явно не гармонировала с его потертыми, вздувшимися на коленях брюками. Алик не любил обновок, чувствовал себя в них немного неловко и, наверное поэтому, он как-то нелепо размахивал руками и слишком оживленно беседовал с Мишкой.

В Мишкином туалете никаких изменений не произошло – ему и заупрямившемуся Шурику был куплен увесистый трехтомник с длинным утомительным названием «Основы теории транзисторов и транзисторных схем».

Оставшиеся от реализации клада деньги решено было израсходовать в ресторане «Юпитер», который находился на первом этаже того же дома, где по счастливому совпадению квартировали наши студенты и где когда-то таинственный В.П. замуровал в стену свой любимый подстаканник. А может это сделала красавица Танюшка. А может они оба закрыв дверь и опустив шторы всю ночь выковыривали эту дырку в стене. Кто знает? Учебники истории об этом умалчивают...

Когда ребята поднялись на второй этаж, то увидели, что входная дверь в их квартиру распахнута и первой мыслью было – не вернулась ли с дачи их квартирная хозяйка. Дверь в комнату тоже была распахнута и когда они остановились на пороге их глазам предстала странная картина. Вся их нехитрая обстановка была сдвинута в один угол и оттого

комната выглядела огромной. По середине же этого освобожденного пространства, прямо на полу сидел Сашка. Вид у него был странный. Прямо перед ним стояла недопитая бутылка «Фантазиі», но самое главное – он был в одних трусах и ботинках и по его веснушчатому лицу бродила блаженная улыбка юродивого, получившего копеечку. Картина эта была настолько дикой, что никто не решился войти в комнату и все столпились на пороге.

– Ну что? – Сашка поднял с пола стакан и с наслаждением отпил несколько глотков, – сдали свой лом? – в его голосе было столько торжества и сарказма, что все переглянулись.

Первым как всегда пришел в себя Гога

– Посмотрите на него, – Гога нацелился в Сашку своим длинным указательным пальцем, – мы, понимаешь, бегаем, занимаемся делом, понимаешь, а он в это время в одиночку придаетесь низменным страстям. И почему голый? Ты что решил организовать в нашей комнате «Клуб мальчиков нудистов?»

Все подошли к Сашке и присели возле него на корточках. Так обычно бывает когда юные натуралисты рассматривают на тропинке раздавленную лягушку.

– Ну ладно, – сказал Алик, – нечего обижаться. Вставай и одевайся. Сегодня выходим в свет. Идем в «Юпитер».

– Нет, – сказал Сашка, – и все сразу поняли, что он вовсе не пьян, как это показалось сначала.

– В «Юпитер» мы сегодня не идем. Сегодня у нас есть дела

поважнее. Вы знаете, что это такое? – Сашка вытащил из-за спины небольшой ящичек соединенный длинным проводом с головными телефонами.

– Это называется полевой телефон, – сразу же ответил Гога

– Гога, ты умный человек, – забасил Сашка Гогиным голосом, – и я тебя очень уважаю, но ты дурак. Это называется не телефон. Это называется искатель арматуры «АИК-2». И пока вы бегали со своим подстаканником, я сходил на кафедру «Гражданского строительства» – там у меня приятель есть – и взял на время этот прибор, и проверил им стены нашей комнаты. Ведь если в ней замурован один клад, почему бы таинственному В.П. не замуровать где-то и второй? Может у него хобби такое было – прятать в стенах свою посуду? И вот что я обнаружил...

– Ну, и что ты обнаружил, – почему-то шепотом выдавил из себя Гога и его глаза сверкнули в наступившем уже сумраке.

– А ничего я не обнаружил... – спокойно закончил Сашка. В стенах больше ничего металлического нет.

– Тебе что – шею намылить! – выскочил вперед Алик. Нажрался тут в одиночестве и дурочку из себя строит!

– ...зато под полом, продолжал Сашка не обращая на Алика никакого внимания, – я обнаружил большой металлический предмет прямоугольной формы, как раз под тем самым местом где мы сейчас стоим. Вернее вы стоите, а я сижу.

Все приподнялись и отступили в сторону. Только тогда стал заметен нацарапанный на паркете небольшой квадрат.

— Что это такое я пока не знаю, — Сашка вытащил дымящуюся сигарету из полуоткрытого Гогиного рта и с наслаждением глубоко затянулся, — но, по аналогии с утренней находкой можно предположить, что там тоже что-то может быть.

— Ну-ка! Дай я попробую, — схватил прибор Мишка, — отодвиньтесь-ка. Я знаю, я на сборах работал с миноискателем.

Он напялил телефоны на голову и стал ползать по полу двигая перед собой искатель арматуры. Потом по полу ползал Алик, за ним Гога. Хитрый прибор неизменно реагировал на одно и тоже место. Там несомненно было что-то большое и металлическое...

— Будем вскрывать! — как заправский хирург скомандовал Гога.

Задача оказалась не такой уж простой, как представлялась с первого взгляда. В ход даже были пущены лом и топор, которые где-то раздобыл Гога. Клиньями расшатывали толстые дубовые доски под снятым наборным паркетом. Дом был старый. За окном уже стояла ночь...

Но, как говорить, — упорство и труд все перетрут.

Ударил полночь, когда общими усилиями была отодрана первая половица. Комната сразу наполнилась противной пылью. Завоняло погребом.

В образовавшейся щели ясно была видна металлическая плита, аккуратно зацементированная со всех сторон. А часть

слов, которые удалось прочитать «...его Величества, Монетного двора...» удвоило энергию подуставших было кладоискателей.

Все сомнения исчезли – под полом находилась массивная чугунная плита стянутая по углам такими же массивными гайками. Было ясно, что это крышка какого-то сейфа намертво вмазанного в перекрытие. Алик, несмотря на поздний час был срочно отправлен в соседний гараж на поиски соответствующего гаечного ключа, а все остальные уселись на край образовавшегося в полу проема и закурили.

– Предположим миллион, – рассуждал Гога, – тридцать процентов – это буде 330 тысяч, – по восемьдесят две с половиной на брата! Домой уеду, – мечтательно продолжил он, – дом построю, женюсь. Надоел мне этот институт. Не хочу учиться, а хочу жениться! – захохотал он и хлопнул Мишку по плечу

– А ты что делать будешь Мешок?

– Машину куплю.

– Машину – это ясно, это – первое дело, а еще что?

– Пальто новое куплю...

– Ну, а еще?

– А черт его знает! Подумать надо.

– Ну, а ты Шурик, что купишь?

– Я куплю здорового медведя, сдеру с него шкуру, – все с тревогой посмотрели на уставшего товарища, – сдеру с него шкуру, – невозмутимо продолжал тот, – и мы будем ее де-

лить...

– Как делить? Зачем шкура? – вылупил глаза Гога.

– А вот так же! Вы же сейчас делите шкуру неубитого медведя. «Машину куплю!» «Пальто куплю!» Может там и нет ничего. Вот сидят, болтают!

Эта беседа была прервана звонком в дверь. Это вернулся Алик с огромным разводным ключом

Первым за дело взялся Мишка, как самый здоровый. Металл за много лет проржавел и работать было нелегко, но тем не менее за десять минут был отвернута первая гайка – массивная, с крупной трапециевидной резьбой.

– Да, – пробормотал Мишка, взвешивая теплую гайку на руке, – капитально сделано. Умели, ведь...

– Да, раньше все делали на века, – сказал Гога, – и хорошо. Потому и сохранилось, и нас дождалось...

В работе он не участвовал но давал бесчисленное множество советов, всячески суетился и скорее мешал, чем помогал работать.

Наконец, при всеобщем ликовании была извлечена и отброшена в сторону последняя, четвертая гайка...

Все сгрудились вокруг плиты.

Ну, что Шурик, – благородно отошел в сторону Мишка, – ты первый нашел, тебе и открывать.

Сашка взял топор и подцепил им край плиты. Все замерли. Плита нехотя, со скрипом приподнялась над перекрытием. Он подцепил ее рукой и отбросил в сторону...

В УВД кировского района г. Москвы От партийной организации
и руководства «Московского, электротехнического института»

Выписка из приказа

Довожу до вашего сведения, что 28 июня, сего года студенты четвертого курса «Электротехнического института» А. М. Попов, А. Б. Зайцев и М. В. Потапов, а также прикнувший к ним Г. А. Якобышвили, находясь в нетрезвом состоянии и в снимаемой ими комнате по ул. Кирова д.8 кв. 2., совершили хулиганский поступок:

Вскрыв пол в снимаемом ими жилом помещении и освободив крепление уникальной хрустальной люстры девятнадцатого века, висевшей до этого в ресторане «Юпитер», этажом ниже, они вызвали падение последней с высоты ее подвеса, что привело к потере ею трудоспособности и частичной негодности. Этот возмутительный акт вандализма вышеперечисленных студентов обсужден и осужден общим собранием института.

На основании вышеизложенного приказываю нижеследующее:

Студентов-вандалов А. М. Попова, А. Б. Зайцева

и М. В. Потапова отчислить из института, передав их дела для рассмотрения в УВД по месту их временного проживания.

Студенту Г. А. Якобышвили объявить строгий выговор с предупреждением об отчислении и с занесением в учетную карточку. Учитывая положительные характеристики Г. А. Якобышвили, ходатайствовать о применении к нему лишь мер административного воздействия материального характера (возмещение причиненного ущерба в полном размере).

Ректор Электротехнического института,
профессор А. И. Чуткорешвили.

Вот таким было мое первое произведение. Сейчас, с высоты своих лет и хоть и небольшого, но зато собственного писательского опыта могу сказать – не так уж и плохо для начала.

Может мне надо было стать писателем, а не ученым-неудачником? Кто знает? Теперь уж чего об этом говорить? Поздно. Разве только в другой жизни...

Третий пук королевы

ЮМОР м. англ. веселая, острая, шутливая складка ума, умеющая подмечать и резко, но безобидно выставлять странности нравов или обычаев; удаль, разгул иронии.

Фаина Раневская, всю жизнь обожавшая Пушкина, попыталась встретиться с гением во сне: «Если бы я его встретила, я бы сказала ему, какой он замечательный, как мы все его помним, как я живу им всю свою долгую жизнь...

Потом я засыпаю, и мне снится Пушкин. Он идет с тростью мне навстречу. Я бегу к нему, кричу. А он остановился, посмотрел, поклонился, а потом и говорит: «Оставь меня в покое, старая б... Как же ты надоела мне со своей любовью».

Это уже высшая степень проявления чувства юмора – чувство самоиронии. Кстати, на мой взгляд, – еще и обязательный атрибут интеллигентного человека. Одного чувства юмора для этого недостаточно. Тем более, что и сам этот юмор бывает разным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.